

В. В. ДАНИЛОВ

„Октавий“ Минудия Феликса и „Поучение“ Владимира Мономаха

В рецензии на исследование проф. А. С. Архангельского „Творения отцов церкви в древнерусской письменности“ (Казань, 1889) акад. И. Н. Жданов высказал предположение, что „при ближайшем исследовании Мономахова «Поучения» в нем откроется, без сомнения, гораздо больше литературных реминисценций, чем сколько удалось подметить до сих пор“.¹ В доказательство этой мысли И. Н. Жданов указал на то, что размышление Мономаха о разнообразии человеческих лиц было распространенным в средневековой литературе мотивом и, следовательно, должно было попасть в его произведение из какого-либо письменного источника.

В „Поучении“ этот мотив входит в тему о мудром и чудном создании мира божеством: „Велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли. Иже кто не похвалитъ, ни прославляеть силы твоя и твоих великихъ чудес и доброт, устроеных на семь свѣтъ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣтъ, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Звѣрье розноличнии, и птица, и рыбы украшены твоим промыслом, господи! И сему чуду дивуемся, како от персти создав человека, како образи розноличнии в человекъскихъ лицах, аще и весь мир совокупить, не вси в один образ, но кыйже своимъ лицъ образом, по божи мудрости“.²

Два исследователя „Поучения“ — С. Протопопов³ и Н. В. Шляков⁴ — ссылались на „Беседы на Шестоднев“ Василия Великого, как на источник размышлений Мономаха о мире. Но тексты, приводимые ими для сравнения, только идейно совпадают с мыслями Мономаха. Шляков приводит цитаты из Василия Великого, посвященные разнообразию деревьев, цветов, птиц и животных, причем к его словам: „А что удивительно, и в растениях найдем признаки, похожие на человеческую юность и старость“, — делает примечание: „А вот и мост для перехода мысли к человеку: «како образы розноличнии в человекъскихъ лицах...»“. Сопо-

¹ И. Н. Жданов. Рецензия на сочинение А. С. Архангельского. СПб., 1891, стр. 40.

² Текст „Поучения“ приводится везде по изданию — „Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку“. Изд. Археограф. Ком., СПб., 1910, стр. 235—236.

³ Поучение Владимира Мономаха как памятник религиозно-нравственных воззрений и жизни на Руси в дотатарскую эпоху. — ЖМНП, 1874, февраль, стр. 5.

⁴ О поучении Владимира Мономаха. — ЖМНП, 1900 и отдельно, стр. 78.

ставление мыслей Василия Великого и Мономаха Шляков оканчивает следующим заключением: „Василий Великий не окончил своего Шестоднева, не коснулся творения человека“, и вот Мономах продолжает его мысль далее, не желая повторять его слова и доводы, а привнося в нее нечто свое, хотя всецело словами его навеянное и ими обусловленное: «как от персти создав человека...», и т. д. Шляков, таким образом, полагал, что мысль о различии человеческих лиц возникла у Мономаха самостоятельно, лишь под влиянием бесед Василия Великого, хотя Жданов за восемь лет до его статьи упомянул заметку Рейнгольда Келера под названием „Несходство человеческих лиц“, в которой автор приводит из средневековых памятников шесть цитат о том же предмете.¹

О разнообразии человеческих лиц, как о проявлении божественного искусства, говорят в стихах немецкие поэты XIII столетия: Фрейданк, Конрад Вюрцбургский и Гуго фон Лангештейн. О том же рассуждает, расширяя вопрос в нравственную сторону, инфант Дон Жуан Мануэль (1289—1348) в начале сборника дидактических рассказов „Граф Луканор“ (El conde Lucanor, 1342 г.). Между многочисленными чудесами, — говорится здесь, — сотворенными богом, самое удивительное то, что среди сотен людей, существующих в мире, нет ни одного, кто был бы похож лицом на другого. Но это еще меньшее чудо, сравнительно с тем разнообразием в склонностях и чувствах, которые имеются у людей. В другом сборнике средневековых новелл, в „Золотой легенде“ Якова де Воррагине, рассказывается, как дьявол в образе прекрасной женщины хотел соблазнить смиренного епископа, на помощь к которому в виде пилигрима пришел апостол Андрей. Дьявол спросил апостола: „Какое самое большое чудо, сотворенное когда-либо богом?“ Апостол ответил: „Разнообразие и отличие одного от другого человеческих лиц, потому что среди такого числа людей, которые жили от начала мира и еще будут жить до его кончины, не найдется двух человек, которые лицами во всем были бы сходны между собою, и в этом самом столь небольшом лице бог вместил все телесные чувства“.

При такой распространенности мысли о разнообразии человеческих лиц естественно искать источник размышления Владимира Мономаха в предшествующей ему литературе.

Этот источник И. М. Ивакин видит в письме Исидора Пелусиота, или Пелусийского, к пресвитеру Герону.² Исидор Пелусиот, прозванный так по монастырю, в котором он пребывал вблизи города Пелусия, родом александриец, жил приблизительно до середины тридцатых годов V столетия. От него дошли письма, пользовавшиеся широкою популярностью. Некоторые из них вошли в „Изборник Святослава“ 1073 года.

¹ Die Ungleichheit der Menschlichen Gesichter. Reinhold Köhler. — „Germania“ Vierteljahrsschrift für deutsche Alterthumskunde, Wien, 1863, t. 8, стр. 304.

² И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах и его поучение. Часть первая. М, 1901, стр. 103.

³ Хотя литературная деятельность Исидора Пелусиота отразилась в таком важном памятнике древне-русской переводной литературы, как „Изборник Святослава“ 1073 года, однако, Исидор как писатель не нашел освещения в русской литературной историографии. Он прошел мимо исследователей. Прор. М. Н. Сперанский даже называет его „каким-то неизвестным нам Исидором“. (Ист. др.-русс. лит. М., 1914 г., стр. 241).

Несмотря на большое литературное наследство, оставленное Исидором, о нем не сохранилось биографических известий. Неизвестны год его рождения, происхождение, образование, и даже в вопросе о годе его смерти нет согласия. Можно лишь утверждать, что после 434 года Исидора не было в живых. Повидяному, он был настоятелем в своем монастыре. Ему принадлежало несколько не дошедших сочинений: „Против эллинов“, — „О том, что нет рока“, — „Вопросы и ответы“ и др. Удеслили только его письма, в количестве 2012. В подавляющем большинстве это эпистолярные миниатюры,

Письмо Исидора к пресвитеру Герону посвящено толкованию текста из Притчей Соломоновых (XXVII, стих 19): „Как несходны лица с лицами, так несходны сердца людей“, который, вероятно, и послужил основным источником последующих размышлений о различии человеческих лиц.

равные по размерам нашим открыткам. Это мысли и мнения по отдельным вопросам. Каждое письмо снабжено именем адресата. Но вряд ли эти коротенькие заметки в действительности были посылаемы кому-либо. На происхождение их указывает названное сочинение: „Исидора Пелусиотского вопросы и ответы“. Вопросы-ответная форма была широко развита в догматической и правоучительной византийской литературе и отразилась на композиции „Изборника Святослава“. Всего вероятнее, что письма Исидора сложились в процессе устных бесед. Свои высказывания Исидор затем записывал, ставя в виде заглавия имя собеседника. Эти заметки потом объединялись в сборники. Среди писем Исидора, предположительно, много псевдографов.

Высказывания Исидора касаются самых разнообразных вопросов: христианской догматики, морали, бытовых явлений, искусства и государственной практики. В его сентенциях видны знание и понимание людей, их характеров и жизни. Исидор — психолог, и это сделало его советником и собеседником многих. Он — человек, воспитанный на древне-греческой философии и литературе, к деятелям которых питает глубокий пиетет: Платон — „сокровище греков“ (Migne, Patrologiae cursus completus. Series graeca, V, 73); Демосфен — „глава всей Греции“ (Migne, III, 81). Многие пифагорейцы, — говорит Исидор, — платоники, аристотелики и стоики стали христианами (Migne, IV, 76). Ссылаясь на авторитет славных греческих писателей, Исидор проповедует труд: „Фукидид, — пишет он, — настойчиво убеждал не избегать труда и не гоняться за почестями; а Софокл говорит, что ничто как следует не достигается без труда. Они учили трудами определять постоянную славу своей жизни“ (Migne, V, 546).

В то же время Исидор против чрезмерного увлечения поэтами и философами, против увлечения театром, потому что „театроман становится зротоманом“ (Ὁ θεατρομανὴς εἰς θρονομανὴς γίνεται. Migne, V, 463), против искусственного, показного красноречия (ibid. 1, 62); вообще, он советует „поменьше красно говорить, побольше хорошо поступать“ (ibid. 1, 14).

Ясность мысли Исидора, простота слога, разнообразие вопросов и самая краткость формы изложения, не утомлявшая читателя, способствовали его популярности. В западно-европейских библиотеках XIX столетия насчитывалось до 50 рукописных собраний писем Исидора. Первое печатное издание их в трех книгах вышло в 1585 году, под редакцией и с латинским переводом Якова Биллиуса Прунея. В 1605 г. Конрад Риттерсгузиус издал письма в четырех книгах со своим латинским переводом — четвертой. Это издание приветствовал знаменитый Скалигер стихами на греческом языке, прославляющими Риттерсгузиуса за то, что он подарил τὸ σῶμα ἄρτιον Исидора, т. е. его „совершенное тело“, тогда как его предшественник дал только отдельные его члены. Однако оказалось, что издание Риттерсгузиуса представляло далеко не τὸ σῶμα ἄρτιον, и в издании Исидора 1638 года появилась еще пятая книга его писем. Всего в течение XVI—XVIII столетий состоялось восемь изданий Исидора, из которых следует отметить издание 1670 г., принадлежащее кардиналу Франциску Барберинскому, под редакцией Петра Посинуса, так как это издание повторено Migne, t. LXXXVIII.

То что письма Исидора Пелусиота вошли в „Изборник Святослава“ 1073 г., подтверждает популярность его в средневековой литературе. Часть вошедших в „Изборник“ писем Исидора представляют перевод текстов, имеющихся в издании Миня. Таковы: „Мне худое ведение“ — у Миня 1, 152; „Аште бо и небрания имения“ — IV, 20; „Чесо ради Каин и Ламех“ — IV, 8; „Более и худее о едином пытаемо есть“ — 1, 422; „Зиждеши, яко же глаголют, церкви в Плуслии“ — 1, 37; „Чулиши ли ся, люблениче, како своих церков бог не штати“ — 1, 73; „Мир святитель свыше от престола“ — как отрывок из письма 1, 123.

Не удалось найти у Миня следующих текстов, приписываемых в „Изборнике“ Исидору: „В гресех не вид пытаем есть“. — „Ведомо же да есть, яко единого ради греха казнится вся земля“. — „Яко же не бе соблазна“. — „Еже есть убо от чрева матера каменни“, — а также списка канонических и отреченных книг, изданного А. Н. Пшынним (Летопись занятий Археографической Комиссии 1861 г., вып. первый. СПб., 1862 г., стр. 9).

Древнейшая западно-европейская рукопись писем Исидора Пелусиота, именно Парижская, под № 1832, восходит к XIII столетию. „Изборник Святослава“ дает тексты писем Исидора в дословном древне-славянском переводе, идущие из XI столетия, и в этом отношении „Изборник“ приобретает значение не только для русской литературы.

Исидор говорит: „О, предмет, достойный удивления! Один и тот же у всех общий облик, и среди такого множества людей настолько велико различие их лиц, что невозможно смешать их для тех, кто всматривается. Ибо, если иногда у некоторых людей замечается сходство, однако, непременно что-либо отыщется в них такое, что создает между ними различие. Многие наделены красивыми глазами, но между ними также есть несходство. У одних они сверкают, у других напоминают цвет и вид винограда; у одних — темные, у других — светлые. В волосах тоже есть особенности. Не все люди на один образец: у одних красивее одна часть тела, у других — другая. Один белый, другой — черный, словом, у каждого есть какое-либо отличие. Все даже невозможно описать“. Далее Исидор переходит к вопросу о том, что столько же люди различаются друг от друга в нравственном отношении. Некоторые обладают одинаковыми добродетелями — состраданием, справедливостью, но проявления их различны. Отличаются люди один от другого также пороками, хотя бы это были пороки одного порядка.¹

И. М. Ивакин полагал, что это письмо Исидора „вероятно, и служило источником и образцом всех дальнейших размышлений о том же предмете. Если так, — говорит он, — то необходимо допустить, что или самое письмо существовало в славянском переводе, или оно было известно по какому-нибудь другому литературному памятнику“.²

Для того, — замечу с своей стороны, — чтобы Владимир Мономах мог читать письмо Исидора к Герону, не нужно было обязательно наличие славянского его перевода. Греческий язык не мог быть чуждым Владимиру Мономаху и по родственным отношениям, и по общему направлению русской образованности и даже школьного обучения в Киевский период,³ потому что, как много лет тому назад писал проф. В. И. Модестов, — „мы стали читать по-гречески пятью столетиями раньше немцев“.⁴

К письму Исидора близко размышление о различии между людьми Дон Жуана Мануэля, поскольку последний от физического разнообразия людей переходит к нравственному несходству между ними.

Но у Владимира Мономаха мотив о разнообразии человеческих лиц входит в большую тему о чудесном устройстве мироздания, о чем Исидор в письме вовсе не говорит, и для объяснения литературных реминисценций в этом отношении И. М. Ивакин сопоставляет „Поучение“ с другими памятниками, как, например, XVII-я беседа Иоанна Златоуста по поводу первого послания к коринфянам, существовавшая в славянском переводе: „Помысли, како все от небытия сотвори, како ли человека и животна и сады, и вся, яже на земли, како ли паки небо бысть и солнце и луна, и без числа звезды, како ли бывша стоять и на часомь, и кое основание имуть, земля же паки како и что под нею, что же под темь...“

Все эти сопоставления „Поучения“ Владимира Мономаха с беседами Василия Великого, Иоанна Златоуста и письмом к Герону Исидора указывают на связь произведения с некоторым кругом идей византийской

¹ Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca prior, t. LXXVIII. lib. IV, epistola CXIV, pp. 1186—1188.

² Ивакин, ук. соч., стр. 103.

³ Акад. Б. Д. Греков. Киевская Русь, изд 4-е, 1944, стр. 334.

⁴ Еще о греческом произношении. — ЖМНП, 1893, март, Отдел классической филологии, стр. 142. В семье Мономаха знание греческого языка было традиционным. Одним из пяти языков, которые „изумяше“ отец его Всеволод, был, без сомнения, греческий, а внук Мономаха, великий князь Михаил Юрьевич, „с греки и латыни говорил их языком, яко русским“ — В. Татищев, История Российская, ч. III, стр. 220.

поучительно-христианской литературы, однако более или менее близкой текстуальной связи между приводимыми цитатами нет.

Но есть одно произведение, охватывающее всю тему о чудесном создании мира, куда входит также мотив о разнообразии человеческих лиц, произведение, появившееся приблизительно за два столетия до жизни Исидора, на которое в литературе о „Почении“ не было обращено внимания. Это — „Октавий“ Марка Минуция Феликса, одного из самых ранних христианских апологетов в римской литературе, написанный, по предположению, около 215 г.¹

Литературная судьба этого произведения очень любопытна. М. Минуций Феликс, живший во II—III столетиях нашей эры, был родом из Африки, но жизнь провел в Риме, где считался видным адвокатом. Как об *insignis causidicus*, говорит о нем Иероним в „Каталоге церковных писателей“, а Лактанций в *Institutiones divinae* характеризует Минуция так: „Известен мне Минуций Феликс, пользовавшийся славой между судебными ораторами, книга которого под названием «Октавий» показывает, каким бы он мог быть защитником истины, если бы, собственно, посвятил этому себя и свои знания“ (*Institutiones divinae*, V, I). Но *habent sua fata libelli*, и судьба книги Минуция Феликса, так блестяще рекомендованной „Цицероном христианства“, как звали Лактанция, на много веков лишила ее и своего названия, и своего настоящего автора.

Как книга, посвященная защите христианства и опровержению римской национальной религии, „Октавий“ Минуция Феликса был присоединен к семи книгам апологетического сочинения Арнобия *Disputationes adversus gentes*, или просто *Adversus nationes*, написанного в конце III в., в виде восьмой главы книги Арнобия, причем название *Octavius* было истолковано как *octavus liber*.

Хотя и Минуций Феликс, и Арнобий — оба были африканцами по происхождению, но Арнобий провел жизнь в Африке и был профессором риторики в городе Сикка, в Нумидии, тогда как Минуций жил в центре римской образованности. Правда, и в его языке классики отмечают неправильности, свойственные упадочной латыни, но все же это один из эпигонов золотого века римской словесности, в особенности Цицерона. Повтому язык его такой же приподнятый, многозначительный и сложный, как у последнего. Язык Арнобия, как характеризуют его историки римской литературы, темен, груб, перемешан с плоскими ходячими выражениями, в то же время напыщен, аффектирован, хотя подчас встречаются обороты, не лишенные эlegantности, энергии и приятного звучания.²

Арнобий не пользовался популярностью в Средние века, вероятно, и вследствие свойств своего языка, и особенно по причине порочности своей книги с христианской точки зрения, так как, совершенно не зная Ветхого завета и слабо зная Новый, утверждал, например, что Иисус Христос не умирал, а за него умер один добродетельный человек; кроме того, содержание его книги — опровержение римской религии, не имело актуальности в глазах монахов, почти единственных хранителей греко-римских литературных традиций. Поэтому его сочинение дошло до XIX столетия всего лишь в одной рукописи, а вместе с ним в единственном экземпляре дошел и „Октавий“ Минуция. Это так

¹ В русской литературе есть статья о Минуции: „Минуция Феликса «Октавий» или защита христианства“ Смирнова-Платонова — „Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе“. Ч. 12-я. М., 1853, стр. 297—336.

² *La grande encyclopedie*, t. III, p. 1071, статья проф. А. Вальда; *Biographie universelle ancienne et moderne*. Paris, 1854, t. II, p. 272, статья Tabaraud.

называемый *Codex Burgundicus*, относящийся к IX или X столетиям. До XVI в. он хранился в Ватиканской библиотеке. В 1543 г. библиотекарь ее Фауст Сабей (Аравиец) издал книгу Арнобия, а вместе с нею, как ее восьмую главу, „Октавия“ Минуция. Самая рукопись после того была подарена французскому королю Франциску I, а при его преемнике Генрихе II была включена в состав Королевской библиотеки в Париже, где хранилась до последнего времени (под № 1661).

Первый, кто обратил внимание на то, что восьмая глава книги Арнобия *Disputationes adversus gentes* есть совершенно самостоятельное сочинение, именно „Октавий“ Минуция Феликса, был Франциск Балдуин, написавший в 1598 г. трактат *Criticus Arnobianus, tributus in libros septem*. Доказательства этого он нашел в *Catalogus scriptorum ecclesiasticorum* Иеронима и в *Institutiones divinae* Лактанция. — „По всей вероятности, — говорит Балдуин, — некоторые приписали эту книгу Арнобию на основании кое-какого сходства в языке и аргументах, что часто вводит в заблуждение неопытных читателей. И когда они читали *Octavius*, тотчас же им представлялось, что это какая-то восьмая книга (*octavus liber*). Смешно и нелепо. По крайней мере, подумали бы, как неосновательно приписывать диалог Арнобию, который пользуется связным изложением“.¹

Арнобий и Минуций, не нашедшие своих читателей в продолжение пяти-шести веков, в XVI столетии приобрели такую популярность, что в течение этого века состоялось семь изданий Арнобия, а вместе с тем и Минуция.² Объясняется это, на мой взгляд, не увлечением классической древностью, не литературным интересом к сочинениям Арнобия и Минуция, а корпоративной клерикальной борьбой против сил, обрушившихся на католическую церковь в эпоху Возрождения. Если даже в первый век Возрождения, по поэтическому выражению одного из его историков, поборники новой идеологии „часто с ярким светочем язычества в руках дерзали соперничать с меркнущим солнцем веры и нередко торжествовали победу“,³ то тем более в XVI столетии это торжество победы стало несомненным и явным. И вот, в руках церкви оказываются книги, идущие из той же классической древности и насыщенные тем же классическим содержанием, которое у гуманистов было орудием борьбы против исключительного церковного авторитета, но, вместе с тем, защищающие „меркнущее солнце веры“. Недаром первое издание Арнобия и Минуция вышло из стен Ватикана.

Содержание „Октавия“ таково. Януарий Октавий, прележавший в Рим из Африки, и два его приятеля, постоянно живущие в Риме — Марк Минуций Феликс и Цецилий Наталис, отправляются из Рима в Остию на морские купанья. Октавий и Минуций — христиане, Цецилий — язычник. Когда они на рассвете достигли моря и собрались отдохнуть, Цецилий заметил статую Сераписа и „по обыкновению суеверного простонародья“ поднес руку к губам и послал поцелуй статуе. Октавий упрекнул Минуция в том, что он оставляет приятеля в языческих заблуждениях.

Цецилий защищает традиционные народные верования. Он говорит о том, что в человеческих понятиях все сомнительно и может быть охарактеризовано лишь как правдоподобное, а не истинное, что даже не стоит толковать о таких вещах, как религия, потому что сам Сократ на вопрос о божественном начале ответил: „Что выше нас, то не касается

¹ Migne. *Patrologiae cursus completus, series prima, t. III, стр. 198.*

² Migne. *Patrologiae cursus completus, series prima, t. V.*

³ Г. Фойгг. *Возрождение классической древности в первый век гуманизма*. Пер. Рассадина, М., 1884, стр. 91.

нас“. Если все сомнительно, то лучше всего держаться учения предков и поклоняться богам, в почитании которых воспитали их родители; притом же, благодаря этой народной древней религии, Рим стал могущественным государством. Цецилий нападает на христиан, характеризуя их, как людей грубых и невежественных в науках и искусствах, которые по своему невежеству не могут рассуждать о предметах, вызывавших на размышления философов всех времен и направлений. Христиане — это „народ скрытный и бегущий от света, немой на людях и болтливый по закоулкам“. Они поклоняются преступнику, присужденному к высшему наказанию, и чтут, как святыню, орудие его казни — крест, т. е. почитают то, чего они сами заслуживают. Цецилий обвиняет христиан в убийстве младенцев и в нравственной распущенности.

На длинную речь Цецилия возражает Октавий, именем которого, в подражание диалогам Платона, названо сочинение. Речь Октавия, содержащая апологию христианства, аргументированную ссылками на греческую и римскую философию и литературу, занимает большую часть книги, причем Октавий не только защищает христиан от клеветы и возвеливает их нравственное достоинство, говоря, что тот среди них считается наиболее религиозным, кто более справедлив; он старается отнять у классической философии и литературы то абсолютное значение, которое им придавалось. Цецилий, например, называет Сократа „главою мудрости“ — *sapientiae princeps*, Октавий называет его „аттическим шутом“ — *scurra atticus*; он принижает Гомера, указывая, что этот „пресловутый, расхваленный и увенчанный“ поэт изгнан Платоном из его воображаемого государства; напоминает *bon mot* Демосфена, относящееся к Пифии, что она — „филиппствует, так как он знал ее фальшивые ответы“ (*responsa simulata*).

В результате убеждений Октавия, Цецилий признал себя побежденным: *nam ut ille mei victor est*, — говорит он про Октавия, — *ita ego triumfator erroris* — „так как он мой победитель, то я — триумфатор заблуждения“.

Привожу из апологии Октавия текст, содержащий те же вопросы, которые поставлены Владимиром Мономахом в комментируемом нами отрывке.

Nec recuso, quod Caecilius adserere inter praecipua conisus est, hominem nosse se et circumspicere debere, quid sit, unde sit, quare sit: utrum elementis concretus ac concinnatus atomis, an potius a Deo factus, formatus, animatus, quod ipsum explorare et eruere sine universitatis inquisitione non possumus, cum ita cohaerentia, connexa, concatenata sint, ut nisi divinitatis rationem diligenter excurreris, nescias humanitatis, nec possis pulchre gerere rem civilem, nisi cognoveris hanc communem omnium mundi civitatem, praecipue cum a feris beluis hoc differamus, quod illa prona in terraque vergentia nihil nata sunt prospicere, nisi pabulum. Nos, quibus vultus erectus, quibus suspectus in caelum datus

Я не отрицаю того, на что среди других доводов опирался Цецилий, что человек не знает себя и должен рассмотреть, что он такое, откуда он и как создан: составлен ли он из элементов и сложен из атомов или, скорее всего, создан, образован и одухотворен богом. Мы не можем исследовать и раскрыть самих себя, не исследуя всеобщего начала. Ведь так все в нас соединено, связано и сцеплено, что если ты старательно не исследуешь божественного разума, ты не знаешь человеческих свойств и не сможешь ни вести хорошо гражданских дел, ни познать мира; в особенности ты не узнаешь, чем мы отличаемся от животных, которые, будучи наклоненными и обращен-

est, sermo et ratio, per quae Deum adgnosimus, sentimus, imitamur, ignorare nec fas, nec licet ingerentem sese oculis et sensibus nostris caelestem claritatem sacrilegii enim vel maximi instar est humi quaerere, quod in sublimi debeas invenire. quo magis mihi videtur qui hunc mundi totius ornatum non divina ratione perfectum volunt, sed frustis quibusdam temere cohaerentibus conglobatum, mentem, sensum, oculos, denique ipsos non habere. quid enim potest esse tam apertum, iam confessum tamque perspicuum, cum oculos in caelum sustuleris et quae sunt infra circaque lustraveris, quam esse aliquod numen praestantissimae mentis, quo omnis natura inspiretur, moveatur, alatur, gubernatur? Caelum ipsum vide, quam late tenditur, quam rapide volvitur, vel quod in noctem astris distinguitur, vel quod in diem sole lustretur, jam scies, quam sit in eo summi moderatoris mira et divina libratio. Vide et annum, ut solis ambitus faciat, et mensem vide, ut luna auctu, senio, labore circumagat. Quid tenebrarum et luminis dicam recursantes vices, ut sit nobis operis et quietis alterna reparatio? reliquenda vero astrologis prolixior de sideribus oratio, vel quod regant cursum navigandi, vel quod arandi metendique tempus indicant, quae singula non modo ut crearentur, fierent, disponerentur, summi opificis et perfectae rationis eguerunt, verum etiam sentiri, perspicui, intellegi, sine summa sollertia et ratione non possunt. quid, cum ordo temporum ac frugum stabili varietate distinguitur, nonne auctorem suum parentemque testatur ver aequae cum suis floribus et aestas cum suis messibus et autumnus maturitas grata et hiberna olivitas necessaria? qui ordo facile turbaretur, nisi maxima ratione consisteret... mari intende, lege litoris stringitur: quidquid arborum est vide, quam e terrae visceribus animatur; aspice oceanum, refluit reciprocis aestibus; vide fontes, manant venis perennibus: fluvios intuerе, eunt semper exercitis

ными к земле, ничего не могут видеть, кроме пастбища. Нам, у которых лица поставлены прямо и взор которых обращен к небу, нам, обладающим речью и разумом, посредством которых мы познаем, ощущаем бога и уподобляемся ему, нам непростительно и непристойно не познавать глазами и чувствами нашими небесный свет, обнимающий нас. Было бы величайшим святотатством искать на земле того, что ты должен находить в высотах. Тем более кажутся мне лишенными ума, чувства, даже самых глаз те, кто прекрасное устройство этого мира полагают созданным не божественным промыслом, а составленным из каких-то случайно сцепленных кусков. Что может быть столь открытым, очевидным и доступным рассмотрению, когда ты поднимешь глаза к небу и осветишь все, что есть внутри и вокруг тебя, как не то, что есть некоторое существо превосходящего разума, которым вся природа одухотворяется, приводится в движение, питается и управляется? Посмотри на небо, как широко оно раскинуто, как стремительно обращается, или как оно ночью усеивается звездами, или как днем освещается солнцем, — и ты узнаешь в этом чудное и дивное равновесие мира, поддерживаемое волею верховного распорядителя. Посмотри, как солнце своим круговым движением образует год, как луна, нарастая, убывая и скрываясь, образует месяц. Что скажу о повторяющихся чередованиях тьмы и света, представляющих нам попеременно время для труда и отдыха? Предоставим астрономам более подробное рассуждение о звездах, как они управляют курсом корабля, или как определяют время пахоты и жатвы. Для того чтобы все это в отдельности не только было создано, существовало и располагалось в порядке, нужен был высший мастер и совершенный разум; но и для того, чтобы почувствовать все это, рассмотреть, уразуметь, нужны высшее искусство

*lapsibus, quid loquar apte disposita
recta montium, collium flexa, porrecta
camporum? quid animantium loquar
adversus sese tutelam multiforam?
alias armatas cornibus, alias dentibus
saeptas et fundatas unguilis et
spicatas aculeis aut pedum celeritate
liberas aut elatione pinnarum? ipsa
praecipue formae nostrae pulchritudo
Deum fatetur artificem: status rigidus,
vultus erectus, oculi in summo, velut
in specula, constituti et omnes ceteri
sensus, velut in arce, compositi...*

*Longum est ire per singula: nihil
in homine membrorum est, quod
non et necessitatis causa sit et
decoris, et quod magis mirum est,
eodem figura omnibus, sed quaedam
unicuique laniamenta deflexa: sic et
similes universi videmur et inter se
singuli dissimiles invenimur.*

и разумение. Не свидетельствует ли о своем виновнике и отце то, что порядок времен и их плодов udržивается с постоянным разнообразием: весна со своими цветами, лето со своими жатвами, или благословенная осень с ее зрелыми плодами и неизбежная зима с ее оливами? Разве этот порядок не пришел бы в смятение, если бы не поддерживался высшим разумом? ... Обрати внимание на море, как оно сдерживается границью берега. Посмотри, как каждое дерево животворится соками земли. Взгляни на океан с его приливами и отливами. Погляди, как источники не иссякают, вытекая из подземных жиа, как реки текут всегда одним и тем же путем. Что скажу о том, как соразмерно расположены прямо возвышающиеся горы, покатые холмы, пространные поля? Что скажу о животных, снабженных разнообразными средствами защиты? Одни вооружены рогами, другие зубами, третьи ограждены и крепко держатся своими копытами, те иглами, иные спасаются быстротою ног или взмахами крыльев. В особенности же свидетельствует, что художником является бог, красота человеческого тела: прямой стан, открытое лицо, глаза на самом верху, как будто на страже, и все прочие внешние чувства заключены в голове, как в крепости.

Долго описывать все в отдельности. Нет ни одного человеческого члена, который не служил бы необходимости или красоте, и что более всего удивительно, у всех людей один и тот же вид, но у каждого человека свои отличительные черты лица: так мы видим, что все и похожи друг на друга и в каждом в отдельности находим различия.

Если читать этот отрывок из „Октавия“ и сравнивать его с комментируемым местом „Поучения“ Владимира Мономаха, кажется, что последнее представляет конспект первого, что автор „Поучения“ по памяти передает содержание мыслей Минуция Феликса.

Автор „Октавия“ был наследником классической греко-римской литературы и философии. В цитированном отрывке находим непосредственное

влияние римской поэзии. Например, Минуций говорит о животных, что они *prona in terramque vergentia nihil nata sunt prospicere, nisi pabulum*, а о людях, что у них *vultus erectus, suspectus in caelum datus est*. Все это — реминисценция стихов из „Метаморфоз“ Овидия:

*Pronaque cum spectant animalia caetera terram,
Os homini sublime dedit, caelumque tueri
Jussit, et erectos ad sidera tollere vultus*

Chaos et creatio rerum, 84—86.

Между тем как понурясь все смотрят животные в землю,
Дал человеку он лик возвышенный, дал ему небо
Лицезреть и с поднятым челом к звездам обращаться.

Перевод Фета.

Подобных реминисценций в „Октавии“ из римской литературы комментаторами отмечено несколько. Все же сочинение Минуция создано под сильным влиянием диалога Цицерона *De natura deorum*. Так, чувство удивления перед разумным устройством мироздания всецело восходит к рассуждениям Цицерона, который в таких случаях не один раз говорит: „*Quod eo est admirabilius*“, „*admirandum est*“, „*quis potest non mirari*“, и проч. Некоторые мысли Минуция представляют повторение рассуждений Цицерона. Последний так же говорит и почти теми же словами, которые находим в „Октавии“, о разумном управлении миром; о том, что „все в этом мире ко всеобщему благу и сохранению удивительно управляется божественным умом и промыслом;“ о том, что „чередование дня и ночи сохраняет животных, распределяя время между трудом и отдыхом“, и так же описывает разнообразие животных: „Какое разнообразие животных! Одни из них покрыты шкурами, другие одеты космами шерсти; у иных иглы, у других перья, у третьих видим чешую; одни вооружены рогами, другие спасаются посредством крыльев“.

В „Октавии“ делаются ссылки на Фалеса, Анаксимена, Ксенофана, Зенона, Сократа, Платона, Аристотеля, Пифагора, Сенеку, Влоргилия и других философов и писателей греко-римского мира. „Октавий“ даже не столько чисто христианско-апологетическое произведение, сколько философское. Гастон Буасье отмечает, что „не только Христос отсутствует в труде Минуция, но там не говорится ни о Библии, ни об Евангелии, ни об апостолах. Из числа догматов церкви говорится только о тех, которые подходят к философские взгляды“.¹

Конечно, у человека более простого и менее философски развитого, чем Минуций, его мысли и способ изложения должны были принять более конкретный характер, лишиться отвлеченности и сократиться до основных реальных представлений, причем особенно могла произвести впечатление на неискушенный ум мысль, поддерживаемая ежедневными наблюдениями, об общем сходстве и различии человеческих лиц, мысль не философская, а опытно-бытовая, пришедшаяся по плечу людям Средневековья.

Что Владимир Мономах стоит в какой-то связи с Минуцием, доказывается почти текстуальной последовательностью основных представлений, составляющих содержание рассматриваемых текстов. У Минуция „последовательность мыслей“ такова: „общие мысли о чудесности мироздания, мысли о небе, солнце, луне, чередовании тьмы и света, звездах, водах, зверях, птицах и, наконец, о различии человеческих лиц. У Владимира Мономаха точно та же последовательность представлений,

¹ G. Boissier. *La fin du paganisme*. Paris, 1891, p. 327.

только звезды он упоминает раньше, чем чередование света и тьмы, и к перечислению животных прибавляет рыб.

Такое сходство между рассуждениями Минуция и Мономаха может быть объяснено двояко. Наиболее осторожным было бы предположение, что тот литературный источник, с которым непосредственно связано „Поучение“ Мономаха, совпадал в изображении чудес мироздания именно с той группой средневековых сочинений на эту тему, к которой относится и „Октавий“ Минуция, а не с сочинениями типа „Бесед на Шестоднев“ Василия Великого.

Однако не исключена возможность и другой гипотезы. „Октавий“, несмотря на свою нераспространенность в средневековой письменности, мог, в составе сочинения Арнобия „Против язычников“, быть привезен в Киевскую Русь либо из Византии греческим духовенством, либо с Запада кем-нибудь из спутников Гиты, дочери Гаральда, будущей жены Владимира Мономаха.

Самое содержание книги Арнобия и ее псевдо-восьмой главы — „Октавия“, направленное против язычества, могло побудить греческое духовенство использовать эту книгу на Руси, где в XI—XII столетиях сохранялись еще разнообразные пережитки языческих верований, притом не только среди народных масс, но и в княжеском окружении. Если мысли „Октавия“ нашли свое отражение в каком-либо церковном выступлении против язычества, то именно в такой передаче скорее всего Владимир Мономах и мог усвоить его рассуждения о чудесном мироздании, конспективно повторенные им в Поучении. Предполагать, что Мономах сам читал „Октавия“, вряд ли возможно. Хотя знание латинского языка среди киевских князей является достоверным фактом, однако чтение такого отвлеченного писателя, как Минуций, с его туманной речью, требовало глубокого знания языка. К тому же, чтение средневековых латинских рукописей было делом нелегким и требовало большой практики.

Был ли, однако, Владимир Мономах знаком непосредственно с „Октавием“ Минуция Феликса, или с другим средневековым сочинением, сходно излагавшим мысли о чудесах мироздания, в том числе о необыкновенном различии человеческих лиц; знал ли он эти рассуждения из книги или познакомился с ними в устном сжатом изложении; из Византии или с Запада был принесен на Русь источник этих сведений, — эти вопросы остаются нерешенными при данном состоянии исторических материалов. Но мы можем с уверенностью утверждать, что слова „Поучения“ Мономаха — „и сему чуду дивуемся“, предваряющие его рассуждение о разнообразии человеческих лиц, через какое-то средневековое сочинение типа „Октавия“ Минуция с его „*et quod magis mirum est*“, восходят к традиции золотого века римской литературы, представленной рассуждением Цицерона „*De natura deorum*“, где чувство удивления перед мудростью мироздания выражено аналогичным восклицанием: „*quis potest non mirari*“.